

А

Оболенский Л. Е. Из "Литературных воспоминаний и характеристик" // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С. А. Макашин. -- М.: Худож. лит., 1978. -- Т. 1 / Сост., подгот. текста и коммент. Г. В. Краснова. -- С. 356--363. -- (Сер. лит. мемуаров).

<http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/vs1/vs1-356-.htm>

Л. Е. ОБОЛЕНСКИЙ

Из "Литературных воспоминаний и характеристик"

Во второй раз я был у Толстого летом, и тут мне пришлось видеть, как страстно он любил своих детей, хотя теоретически тогда же развивал мне мысль, что любить следует "детей по духу", а не по плоти. Но, видимо, от этой "привычки" труднее отвыкнуть, чем от куренья!

Дело было так: Толстой был предупрежден о моем приезде и ждал меня, поэтому я был очень удивлен, когда, приехав к нему в назначенный час, не застал его дома. Я сказал об этом лакею и назвал свою фамилию.

-- А вас Лев Николаевич просил или немножко обождавать их, или, если вам угодно, пойти им навстречу: они здесь недалеко ходят вон по тому переулку, -- лакей указал.

-- Что это значит? -- спросил я.

-- А молодой графине¹ профессор Склифасовский делает операцию сегодня. Так Лев Николаевич очень беспокоился, что долго не возвращаются, не утерпели и пошли в тот переулок: оттуда видна дорога...

Я пошел навстречу Толстому, думая о том, что, быть может, в этой тревоге ему будет легче не оставаться одному. Но он уже входил на крыльцо, очень обрадовался мне, рассказал, чем встревожен, пояснил, что операция -- самая ничтожная, нужно срезать какую-то опухоль величиной с горошину, но что это все же его очень беспокоит: "Долго не едут! Но ждать там еще хуже! -- прибавил он. -- Ну, что новенького?"

Я передал ему письмо, но он не стал читать его. Как он объяснил мне после, волнение помешало бы ему прочесть письмо с удовольствием, так как письмо было от человека, которого он очень любил.

-- Сядем пока вот здесь, -- сказал Лев Николаевич, вводя меня в комнату младшего сына, которая была рядом с прихожей, выходила окнами на двор, и, следовательно, из нее можно было еще издали услышать треск экипажа, когда дочь будет возвращаться. Окно на двор было открыто. Толстой слушал меня и сам говорил очень внимательно, но внутренняя тревога сказывалась в его побледневшем лице, в глазах, которые часто обращались к окну, наконец, в напряженности, с какой он постоянно прислушивался к отдаленным звукам.

-- Едут! -- вдруг вскрикнул он и, как мальчик, вскочил и побежал на двор, а затем и на улицу.

Через несколько минут он вернулся сияющий, счастливый.

-- Все кончилось благополучно! -- сказал он мне. -- Да и операция была самая пустая. Вы уж извините меня, что я так неожиданно вас покинул. Знаете ли что? Я так обрадован этим счастливым окончанием операции, что не могу сидеть на месте. А вечер отличный! Хотите, пойдем в "Нескучный". Он в нескольких шагах от меня, если переехать на лодке. Я часто туда заглядываю.

Мы вышли и скоро очутились на берегу реки. Старик лодочник знал Льва Николаевича, и они перекинулись несколькими приветствиями.

-- Вот теперь я прочту письмо, -- сказал Лев Николаевич и тут только объяснил мне причину, почему не читал его раньше.

Действительно, оно его порадовало. Он даже прочел мне вслух некоторые отрывки. Конверт сдунуло с его колен легким ветерком, и он поплыл по воде. Лев Николаевич сделал было движение поймать его, но потом улыбнулся и сказал:

-- Ну, это не важно! Он уже намок!

Мы вышли на противоположный берег и скоро были в "Нескучном", с его тенистыми аллеями. Толстой говорил, что последние дни редко бывает дома, посещая в тюрьме заключенных (из молодежи), на что получил разрешение². Он находил их весьма интересными и некоторых необыкновенно симпатичными. Рассказывал, как не однажды ему приходилось заговариваться с ними дольше установленного срока. Во время этой именно прогулки он развивал мне мысль о том, что следует больше любить детей по духу, чем по плоти. Тут же я услышал от него замечательную мысль, которую, по его словам, он нашел у Мэтью Арнольда: "Тот не истинный христианин, кто любит Христа больше